СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

УДК 321.72+328.1+342.533

Е.Л. СЫСОЛЯТИНА

Парламентаризм – сложный, многогранный социально-политический и государственно-правовой феномен, включающий в себя элементы общественного сознания, поведения и культуры. Политологи, правоведы, публицисты, государственные и политические деятели обращаются к изучению его специфики. Неудивительно поэтому, что в научной литературе нет единого подхода к пониманию сущности парламентаризма.

Развитие парламентаризма в том или ином государстве во многом зависит от конкретных исторических условий. Так, наиболее яркое воплощение он получает в Великобритании в XIX веке, проявляет себя во Франции после крушения бонапартизма (конец XIX века), а также в США (правление Конгресса в 80–90-е годы XIX века). Стоит отметить, что сущность парламентаризма предопределяют изменения в его исторических функциях и структуре, «зачастую она выражается путем обособления и подчеркивания какого-либо отдельного элемента» [22, с. 45].

В начале XX века в зарубежной политической науке складывается современное понимание феномена парламентаризма, отождествляемого с такими категориями, как «верховенство парламента», «суверенитет законодательной власти», «приоритет представительного правления». С середины XX века западные исследователи (М. Дюверже, Е. Хубнер, К. Шмит) указывают на кризис европейского парламентаризма, связанный с недостатками парламентарной формы правления, либеральной демократии. С возрастанием компетенций и ролей, выполняемых парламентскими учреждениями в современных политических системах, а также новыми вызовами институционализации возникает необходимость переосмысления и реконцептуализации понятия «парламентаризм».

Появление этого понятия в российской политической теории и практике обусловлено учреждением в стране в начале XX века первого парламента (1905 год). Интерес к проблемам парламентаризма проявляют такие отечественные исследователи, как М.М. Ковалевский, Б.Н. Чичерин, Е.М. Гессен, К. Тахтарев. Они связывают перспективы развития российского парламентаризма с идеями представительной власти.

В 1917 году в России оформляется и получает дальнейшее развитие новый (советский) тип народного представительства, не имевший ранее аналогов в мировой истории. Большевики объявляют об исторической условности парламентских принципов и неприемлемости парламентаризма для советской власти. А сам парламент рассматривается ими в качестве представительного учреждения неэффективного и отжившего капиталистического строя.

В отечественной политической науке первые исследования по проблемам современного парламентаризма появились сравнительно недавно. Интерес к ним возник в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, когда российское государство сталкивается с трудностями в процессе перехода к демократическому строю. С тех пор и до настоящего времени среди отечественных исследователей так и не сложилось единого мнения по вопросам, связанным с теорией и практикой парламентаризации в России. На сегодняшний день в политологических источниках представлены различные определения, раскрывающие сущность понятия «парламентаризм».

Следовательно, представляется целесообразным более глубокий анализ понятия «парламентаризм», его сущности и структурных составляющих. В особенности это актуально применительно к странам, в которых парламентаризм не имеет прочных традиций.

Указанная разница в содержательных подходах к исследованию специфики парламентаризма обусловлена междисциплинарностью этого понятия, его принадлежностью политическим и правовым наукам.

В правовых исследованиях понятие «парламентаризм» отождествляется с проблемой государственной власти, центральным местом парламента в ней. Парламентаризм выступает в качестве разновидности формы государственного правления. Для правового подхода характерна и более широкая трактовка понятия «парламентаризм», акцентирующая внимание на нормативном аспекте взаимодействий как внутри самой власти, так и власти и общества. Речь идет о соотнесении понятия «парламентаризм» с понятием «политический режим». В рамках такой исследовательской традиции понятие «парламентаризм» созвучно не просто понятию «политический режим»,

а, прежде всего, его демократической разновидности. Парламентаризм в данном случае предстает в качестве совокупности норм, на основе которых формируются демократические политические режимы, устанавливается и поддерживается постоянный диалог государства и общества.

В правовом подходе существуют и узкие, специализированные, трактовки понятия «парламентаризм», связанные, например, с непосредственной формой организации власти (политической ситуацией в стране, расстановкой политических сил, взаимодействием между высшими органами власти) — государственным режимом. В частности, М. А. Могунова рассматривает парламентаризм как «разновидность государственного режима, при котором обеспечено не только юридическое, но и фактическое верховенство высшего представительного учреждения, подчиненность и подконтрольность ему правительства» [15, с. 26–27].

Таким образом, в рамках правового подхода понятие «парламентаризм» рассматривается либо в качестве формы государственного правления, либо в качестве разновидности государственного или политического режима. Его существование и развитие часто отождествляются с наличием в обществе таких институциональных компонентов, как парламент, принцип разделения властей, система сдержек и противовесов, партийная система, институт представительства. Степень развитости парламентаризма здесь во многом зависит от того, насколько полно реализованы вышеуказанные принципы на практике.

Правовой подход представляется интересным, поскольку видение парламентаризма в нем во многом тождественно предметному полю политологии. Речь идет о политических институтах — государстве и его системе — изучаемых не только правовой, но и политической наукой.

Поэтому необходимо учитывать влияние правового подхода при исследовании феномена парламентаризма. Представляется, что опыт, наработанный в его рамках, расширит исследование, внесет точность в институциональный аспект парламентаризма, особенно в функциональную часть, выведет нас на более четкое понимание роли парламентских учреждений в политической системе. Кроме того, данный подход указывает на ценность правовой культуры, конституционализма в становлении и утверждении парламентаризма.

Предмет политической науки составляют взаимоотношения социальных субъектов по поводу власти, закономерности воплощения парламентских принципов развития общества в реальной политической практике. Следовательно, непосредственно политологический подход, не умаляя достоинств правовой парадигмы, акцентирует внимание на комплексном характере феномена парламентаризма. Наличие институциональных компонентов, на наш взгляд, не является в полной мере подтверждением факта существования парламентаризма в государстве и обществе. На его развитие оказывают значимое влияние характер политической культуры, особенности политического режима, интересы различных социальных групп, политическая ситуация в стране — предмет изучения политической науки.

По мнению Л. А. Сидоренко, «парламентаризм как политическая категория имеет богатое содержание, увязан со многими понятиями и категориями обществознания, широко используется в политической практике. Через категорию парламентаризма в современных условиях осмысливается и оценивается масштабная и ответственная сфера политики, сопоставляется реальное содержание таких принципиальных понятий, как демократия, правовое государство, народовластие, республика, права граждан, форма государственного правления» [20, с. 12–13].

Е. П. Соколова считает, что «парламентаризм как явление социально-политическое и культурно-правовое не может возникнуть вне условий, при которых нормой должны быть конституционное закрепление и эффективное функционирование принципа разделения власти, верховенства права, обеспечение гражданских, политических, социально-экономических и иных прав и свобод» [23, с. 5–6].

Ряд политологов увязывают понятие «парламентаризм» с проблемой организации государственной власти. Л. А. Сидоренко отождествляет парламентаризм с «особой системой управления государством, формируемой обществом через выборный механизм демократического типа, которая множеством связей вплетена в политическую сферу общества» [20, с. 12].

А. А. Керимов определяет парламентаризм как «систему организации и функционирования государственной власти, основанную на принципе разделения властей и верховенстве закона, при формально привилегированном положении парламента, избираемого на свободных выборах с участием политических партий» [8, с. 7]. Подобного определения придерживается и профессор А. И. Щербинин.

Под парламентаризмом И. Р. Калимуллина подразумевает «систему государственной

власти, где имеет место разделение государственных властей на законодательную, исполнительную и судебную ветви и существует государственный орган – парламент» [7, с. 9].

Итак, указанные определения свидетельствуют о связи политологического подхода с правовым, в центре внимания которого также находятся проблемы организации власти, разделения властей, верховенства парламента.

Однако в рамках политологического подхода существуют и другие, узко специализированные, трактовки понятия «парламентаризм». По справедливому замечанию С. П. Обухова, политологический подход к рассмотрению понятия «парламентаризм» «можно довольно четко свести к его определению, с точки зрения реализации исходной функции парламентского учреждения, как народного представительства, созданного для выполнения воли народа (в качестве высшей представительной власти) и контроля за властью исполнительной» [16, с. 14].

И политологический, и правовой подходы рассматривают понятие «парламентаризм» в русле теории институционализма, поскольку внимание ученых привлекают в основном правовые аспекты государственного устройства. Между тем политологов интересует и реальная практика функционирования парламентаризма. Они пытаются перейти к неоинституциональному инструментарию в исследованиях, отказаться от описания моделей парламентаризма в пользу объяснения их практической реализации.

Согласно правовому и политологическому подходам, парламентаризм предстает в качестве политического института – устойчивого вида социального взаимодействия, регулирующего определенный сегмент отношений политической власти в обществе. Прежде всего, парламентаризм связан с регулированием в государстве отношений по поводу власти через законодательную и представительную функции парламента. Идеальная схема утверждения и развития парламентаризма обращает нас к следующим институциональным принципам:

– главенствующая роль парламента в качестве общенационального представительного органа государственной власти;

– высокий уровень законодательной и контрольной компетенции парламента при взаимодействии с другими органами власти;

– разделение властей.

Парламентаризм – «реальный политико-правовой институт, воплощающий в себе единство представительной и законодательной власти в обществе, где существует разделение властей» [22, с. 30]. Исследователи (М. М. Ковалева, Е. П. Соколова) выделяют основания для институционализации парламентаризма – это «определенная организационная структура, а также законодательная база, где закрепляются его функциональные особенности» [23, с. 4].

Основным критерием анализа институциональных параметров парламентаризма является организационная структура. Речь идет об организационном подходе к трактовке политических институтов (Г. Алмонд, Э. Гидденс, Р. Далтон, Р.Даль, Дж. Пауэлл, К. Стром), в рамках которого парламентаризм функционирует в рамках конкретных договоренностей и регламентов. Соответственно анализ сущности парламентаризма осуществляется через обращение к компонентам, входящим в ее структуру: парламенту, представительной власти, законодательной власти, разделению властей.

Следующим критерием анализа выступает «законодательная база». Представляется необходимым расширить этот критерий до понятия «нормативно-правовая база» парламентаризма. Данный критерий выделяется на основании нормативного подхода к изучению политических институтов, предложенного М. Леви, Д. Нортом, Т. Парсонсом. Следуя логике данного подхода, необходимо анализировать институциональные компоненты парламентаризма с учетом их правовой составляющей, рассмотреть, каким образом реализованы элементы парламентаризма, исходя из идеальных представлений, закрепленных на уровне законодательных практик.

Кроме того, необходимо дополнить предыдущие основания интеракционным подходом (Э. Дюркгейм, С. Хантингтон), определяющим политические институты в качестве устойчивых социальных взаимодействий. Здесь парламентаризм рассматривается через «глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах общества» [1, с. 55]. Следовательно, интерес представляют непосредственные социальные взаимодействия, под которыми понимаются общественные отношения, получившие нормативное закрепление на уровне парламентских институтов.

В рамках интеракционного подхода под политическими (общественными) институтами понимаются «формальные и неформальные соглашения между людьми, приобретшие статус общественного мнения, действие которых регулируется применением определенных правил в процессе принятия политических решений» [4, с. 115–116].

С одной стороны, источником формирования подобных институтов выступают общественные структуры, способные создать эффективные модели самоорганизации граждан. С другой стороны, политическая власть принимает участие в разработке формально-правовых институтов, призванных поддерживать общество. Одним из таких институтов является парламент. В нем синтезированы: «идеолого-мировоззренческий компонент; система представлений и убеждений, аксиологических установок; ценностные ориентации относительно должной организации и должного функционирования государственного механизма» [9, с. 17].

Акцент сделан не на формальных и структурных качествах общественных институтов, а на их более широком социальном значении и их непосредственной роли в политическом процессе. Для парламентаризма становятся приоритетными «целостность государства, благополучие народа, установление правового государства и развитие гражданского общества» [7, с. 3–4]. Это указывает на определенный нормативно-ценностный потенциал парламентаризма, в то же время на передний план выходят практики взаимодействия парламента и общества.

В рамках интеракционного подхода парламент наравне с другими институтами власти рассматривается не столько как механизм представительства гражданских интересов, сколько как «живой политический организм, динамично развивающаяся институция, отвечающая на вызовы времени и формирующая свою архитектуру и функции без чрезмерной нормативной заданности» [24, с. 20].

Следовательно, развитие институтов парламентаризма подчиняется динамике соотношения сил в конкретной политической реальности и обусловлено спецификой национального менталитета.

Исследователи эффективности управления (М. Альберт, И.А. Кох, М.Х. Мескон, Ф. Хедуори) приходят к выводу о том, что «внутренняя среда» организации (парламента) – знания, привычки, поведенческие стереотипы, социальные установки людей – это социокультурные факторы, оказывающие непосредственное влияние на механизм реализации парламентаризма внутри определенной политической системы.

В самом деле, при анализе деятельности представительных органов власти в социальной среде, политическая культура которой кардинально отличается от политической культуры, породившей эти представительные институты, возникает вопрос о том, каким же образом политическая культура оказывает влияние на реализацию принципов парламентаризма?

Первым этим вопросом задается французский психолог Г. Лебон, проводящий сравнительное исследование политических режимов США и стран Латинской Америки, копировавших американскую политическую систему. Он устанавливает, что важнейшим фактором, препятствующим достижению Латинской Америкой процветания и уровня демократии США, является различие в политической культуре. Следовательно, демократия – это не только политические институты, но и соответствующие ценности. Поэтому «одинаковые по структуре парламенты в разных странах будут действовать по-разному» [25].

С точки зрения политической теории парламентаризм отождествляется с демократической политической культурой, ее базовыми ценностями: гражданским обществом, верховенством права, приоритетом прав и свобод личности в отношениях с государством. В свою очередь, парламент призван реализовывать эти ценности посредством представительной функции, реализуемой в деятельности политических партий и практике избирательной системы.

Мы разделяем подход Г. Алмонда и С. Вербы в вопросе определения феномена «политическая культура» [27, с. 354]. Под ним подразумеваются ориентации граждан, их отношение к политической системе, к политическому процессу и к результатам реализации политического курса. Более частный случай – демократическая политическая культура апеллирует к устойчивому и эффективному контролю со стороны гражданского общества за деятельностью государственных органов. В ней имеются «возможности для полного политического информирования граждан; гарантии равноправия граждан, признание права каждого человека на судебную защиту» [13, с. 22]. Эти принципы присущи и парламентаризму. Кроме того, парламентаризм базируется и на таких демократических ценностях, как «уважение, преемственность законов; незыблемость гражданских свобод; приоритет прав человека; политический и культурный плюрализм; наличие развитого гражданского общества» [19, с. 91]. Поэтому о парламентаризме чаще всего говорят в связи с демократической политической культурой.

Впрочем, профессор М.А. Могунова делает важное замечание, утверждая, что «парламентаризм долгое время функционировал при отсутствии многих атрибутов демократии. Однако на современном этапе без парламентаризма режим демократии может считаться

существенно ограниченным» [15, с. 68–69]. Связующим звеном между парламентаризмом и демократизмом выступает категория демократической политической культуры, с помощью которой определяется отношение общества к государственной власти.

Демократическая политическая культура включает в себя культуру парламентскую. Выделение самостоятельной категории парламентской культуры связано с отношением граждан конкретно к парламенту, к процессам функционирования парламента и к результатам взаимодействия общества и парламентских институтов.

Парламентскую культуру необходимо рассматривать в широком и узком смыслах. В первом случае парламентская культура представляет собой совокупность институциональных и социокультурных факторов парламентаризма. Во втором – под парламентской культурой понимается «наличие у граждан права свободно выбирать достойных представителей в законодательную ассамблею, их убежденность в том, что такое действие есть единственная возможность донести до власти свои потребности, запросы и единственный способ контролировать власть» [10, с. 79].

Парламентская культура напрямую зависит от отношения граждан к институту выборов. Чем ниже процент граждан, участвующих в выборах, тем ниже уровень парламентской культуры. Между тем профессор А. И. Щербинин указывает на то, что противоположная корреляция невозможна: «Мы не можем сделать вывод о прямой зависимости высокого процента участия граждан в избирательной кампании и высокого уровня парламентской политической культуры. Примером тому могут служить выборы в Верховный Совет СССР, в которых участвовало свыше 90% избирателей» [25]. Поэтому при анализе парламентской культуры необходимо помнить о влиянии уровня политической культуры на принятие самостоятельных решений гражданами в сфере политики.

Отметим, что Н. И. Бирюков и В. М. Сергеев предлагают описывать парламентскую культуру общества «через выделение основных типов знаний, используемых для оценки ситуаций и принятия решений. Эти знания представляется целесообразным разделить на три группы: социальную онтологию, ценности и опыт» [5, с. 16–17], наработанный в рамках демократической политической культуры.

Парламентская культура включает в себя «базовые социальные, экономические, правовые и политические знания у народных избранников» [25]. Ей присуще и наличие элементарных знаний в тех же областях у самого общества. Взаимовлияние этих факторов необходимо учитывать для того, чтобы парламент не трансформировался в орган, который регистрирует законодательные инициативы исполнительной власти или групп экономических интересов.

Парламентская культура связана с такими институтами гражданского общества, как партии, группы интересов. Следовательно, важной характеристикой здесь является «партийный дизайн». Для парламентской культуры характерен отказ от однопартийности, монополии на идеологию и законотворчество: «институциональные ограничения на политическую активность способствуют консервации политического сознания, что в конечном итоге затормаживает и деформирует становление современной парламентской культуры» [11, с. 35]. Для преодоления указанных крайностей важно наличие системной оппозиции с общепризнанным статусом.

Кроме того, демократическая парламентская культура связана с принципами партийного плюрализма. Здесь значимую роль играет механизм установки пороговых барьеров на выборах. Партии, не набравшие необходимый минимум голосов, в парламент не проходят. Между тем эти партии «отражают спектр мнений, имеющихся в обществе, и обладают правом на существование, за исключением откровенно экстремистских, чья деятельность запрещена по закону» [25].

В рамках интеракционного подхода важной представляется и проблема взаимопроникновения парламентской культуры и гражданского общества. Гражданское общество здесь не только «институциональный, но и нормативно-ценностный порядок, делающий возможным собственно гражданскую активность» [18, с. 24]. Следовательно, парламентская культура подразумевает под собой наличие у граждан «способности к солидарному действию, к самоорганизации и публичному обсуждению интересующих общество проблем, умение создавать эффективные институты власти и способности выполнять принятые ими решения» [11, с. 33]. Вследствие этого закономерным становится вопрос об основных функциях парламентской культуры.

По аналогии с демократической политической культурой парламентская культура обладает следующими функциями: «агрегация и артикуляция политических интересов, легитимация, политическая социализация, функция мировоззренческой ориентации. Не меньшее значение имеют интегративная, воспитательная,

коммуникативная и регулятивная функции» [11, с. 33]. По мнению В.Н. Колесникова, значимой функцией парламентской культуры выступает и функция социальной стабилизации, смысл которой заключается в удовлетворении различных социальных интересов с помощью институтов представительства.

К основным условиям полноценного развития гражданского общества относятся: наличие определенных социальных интересов, потребностей; артикуляция этих интересов; формирование соответствующего актора по их реализации; целенаправленная деятельность этого актора; «устойчивая готовность социума-носителя интересов и потребностей к активизму и самодеятельности для их реализации» [6, с. 32].

Для интеракционного подхода характерно обращение не только к демократической парламентской культуре и гражданскому обществу, но и к институту функционирования права. Право является условием и формой воплощения парламентаризма. Так, еще Ш. Монтескье писал о том, что государство, в котором не соблюдаются законы, обречено на гибель. Таким образом, приоритет или верховенство права — первичная ценность полноценного парламентаризма. Процесс формирования права в рамках парламентарного общества происходит в процессе политической коммуникации — диалоге и поиске конструктивного компромисса.

Право выступает в качестве «социального регулятора» [17, с. 162] в развитой парламентской культуре. Оно также носит ценностный характер и влияет на формирование моделей поведения в обществе. Следуя логике И. Канта, представляется возможным рассматривать главным ориентиром правовой культуры личность, индивида, заключающего «цель в себе». Это ведет к возникновению: гражданских прав, равенства перед законом, социальной активности и мобильности.

Кроме того, правовая культура во многом зависит от «прошлого социального опыта и системы ценностных ориентаций, составляющих ее жизненное кредо» [21, с. 17]. Следовательно, возникает вопрос о взаимосвязи между правовой культурой и парламентаризмом. И здесь необходимо указать на важную роль, которую играют институты народного представительства в утверждении правовой культуры в обществе.

По справедливому замечанию О.Е. Кутафина, одной из непреложных ценностей конституционализма является парламентаризм, «неразвитый парламентаризм — показатель неразвитого конституционализма, а с уничтожением парламентаризма кончается и конституционализм» [14, с. 13]. Напротив, эффективная реализация демократических правовых принципов выступает важным условием укрепления гражданского общества, утверждения в нем парламентских ценностей: приоритета права, равноправия граждан, независимых свободных средств массовой информации, свободных выборов, партийного и политического плюрализма.

Итак, понятия демократической политической культуры, менталитета, культурно-правовой традиции в институциональном содержании призваны играть роль своеобразных социально-исторических координат. Следовательно, они участвуют не только в совершенствовании политической и правовой системы государства, но и в раскрытии сущности парламентаризма. Культурно-правовая традиция рассматривается в качестве детерминанты развития парламентской культуры, определяющей социокультурную модель государственности и гражданского общества.

В заключение отметим, что нормативно-ценностные компоненты парламентаризма, к которым апеллирует интеракционный подход, заслуживают пристального внимания по следующим причинам. Во-первых, обращение к ним позволяет разграничить понятия «парламентаризм», «демократическая политическая культура», «парламентская культура», «гражданское общество», «правовая культура». Во-вторых, благодаря анализу нормативно-ценностных элементов, можно оценить степень демократичности государственной системы. В-третьих, нормативно-ценностные составляющие уточняют понятие «парламентаризм».

Обращение к интеракционному подходу в исследовании институциональной сущности парламентаризма становится особенно оправданным в тех случаях, когда представительные учреждения действуют в культурной среде, значительно отличающейся от той, в которой зародилась сама идея парламентаризма.

Все сказанное позволяет сделать следующий вывод: рассмотрение парламентаризма сквозь призму организационного, нормативно-правового и интеракционного подходов способствует более полноценному взгляду на сущность и форму современного парламентаризма.

Под парламентаризмом мы подразумеваем политический институт, регулирующий отношения в обществе по поводу создания основных правовых норм (законов) и представляющий интересы различных социальных групп в государстве посредством функционирования парламента.

Институт парламентаризма – комплексная система взаимодействий власти и общества, в структуру которой включены не только организационные, нормативно-правовые, но и нормативно-ценностные элементы.

Речь идет о проявлении следующих элементов парламентаризма:

– приоритет парламента как общенационального представительного органа в системе разделения властей;

– высокий уровень законодательной и контрольной компетенции парламента при взаимодействии с другими органами власти;

– соблюдение принципа разделения властей, их взаимообусловленности и сбалансированности;

– наличие системы политических партий парламентского типа;

– высокий уровень демократической политической культуры;

– наличие развитого гражданского общества;

– соблюдение принципа верховенства права.

Сбалансированное сочетание указанных компонентов свидетельствует о подлинном воплощении парламентаризма в политическую действительность, его развитом характере.

1. Абрамов А.В. Политические институты и политическая социализация: определение понятий [Текст] / А.В. Абрамов // Власть. 2010. № 5. С. 53–55.
2. Алмонд Г. Гражданская культура и стабильность демократии [Электронный ресурс] / Г. Алмонд, С. Верба. URL: http://www.humanities.edu.ru/db/msg/81534 (дата обращения: 23.11.2011).
3. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М. : Аспект-пресс, 2002. 597 с.
4. Безвиконная Е.В. Системно-синергетическая модель политической системы [Текст] / Е.В. Безвиконная // Политические исследования. 2009. № 3. С. 113–124.
5. Бирюков Н.И. Становление институтов представительной власти в современной России [Текст] / Н.И. Бирюков, В.М. Сергеев. М. : Агентство «Издательский сервис», 2004. 544 с.
6. Борисюк В.И. Становление гражданского общества и партийно-политической системы [Текст] / В.И. Борисюк // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 2. С. 32–33.
7. Калимуллина И.Р. Особенности становления парламентаризма в современном российском обществе [Текст] / И.Р. Калимуллина: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2009. 26 с.
8. Керимов А.А. Парламентаризм в современной России: особенности становления и развития [Текст] / А.А. Керимов. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2006. 164 с.
9. Керимов А.Д. Парламентаризм: сущность и определение [Текст] / А.Д. Керимов // Политика и общество. 2009. № 12. С. 16–20.
10. Ковбенко Л.Н. Парламентская культура как предмет научно-практического анализа [Текст] / Л.Н. Ковбенко, В.Н. Колесников // Власть. 2008. № 5. С. 77–79.
11. Колесников В.Н. Функциональная ценность парламентской культуры [Текст] / В.Н. Колесников // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2010. Вып. 2. С. 33–39.
12. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма // Новое время. 1994. № 14. С. 52–60.
13. Курскова Г.Ю. Политический режим Российской Федерации. Теоретико-правовой аспект [Текст] / Г.Ю. Курскова. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. 295 с.
14. Кутафин О.Ф. Российский конституционализм [Текст] / О.Е. Кутафин. М. : Норма, 2008. 544 с.
15. Могунова М.А. Скандинавский парламентаризм. Теория и практика. М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. 350 с.
16. Обухов С.П. Российский парламентаризм между признанием и отторжением. Проблема массового восприятия (1989 – 2005 гг.) [Текст] / С.П. Обухов; Рос. акад. наук, Ин-т сравнит. политологии. М.: ИПЦ «Маска», 2005. 582 с.
17. Пастухов В.Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность [Текст] В.Б. Пастухов // Политические исследования. 2011. № 2. С. 162–171.
18. Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) [Текст] / С.В. Патрушев // Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.
19. Ржешевский Г.А. Демократия: миф, реальность или раскрученный бренд? [Текст] / Ржешевский // Политические исследования. 2008. № 5. С. 91–95.
20. Сидоренко Л.А. Идеи парламентаризма в российской политической мысли XIX века : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2002. 19 с.
21. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности [Текст] / М.Б. Смоленский // Государство и право. 2009. № 4. С. 15–21.
22. Современный парламент: теория, мировой опыт, российская практика [Текст] / под общ. ред. О.Н. Булакова. М. : Эксмо, 2005. 320 с.
23. Соколова Е.П. Пресса и парламентаризм в политическом процессе России [Текст] / Е.П. Соколова : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2005. 22 с.
24. Соловьев А.И. Российский парламент: динамика в новейшей политической истории и перспективы развития [Текст] / А.И. Соловьев // Власть. 2006. № 3. С. 20–24.
25. Щербинин А.Г. Парламентская культура [Электронный ресурс] / А.Г. Щербинин. URL: http://duma.tomsk.ru/page/8313 (дата обращения: 15.01.2011).
26. Almond G.A. Comparative Political Systems // Political behavior: A Reader in Theory Research / ed. by H. Eulau et all. Clencoe, III, 1956. 150 p.
27. Almond G.A. and Verba, S., The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations: An Analytical Study. Boston and Toronto: Little, Brown and Company, 1965. 420 p.
28. Baker G. Civil Society and Democratic Theory. Alternative voices. Routledge. Taylor and Francis Group, London and New York, 2003. 191 p.
29. Heywood A. Political Ideologies. Palgrave Macmillan, New Haven and London, 2003. 382 p.